

Песня, которая длилась все это время, медленно заканчивалась, когда люди теряли свою энергию с отливом музыки. Тишина, которая пала сейчас, была дружеской тишиной. Успокаивающая и попросту приятная. Сердца стали неподвижными, и кровь, которая кипела, тоже успокоилась. Дети казались растерянными. Разве это не должно продолжаться подольше? Младшие дети чувствовали, что сон пришел за ними. Уставшие, они все еще хотели повеселиться. Некоторые из труппы, которые больше не были вовлечены в действия музыки, тихо перетасовывали людей от определенных точек. Это было так, что танцоры, которые все еще находились в своих палатках, ожидая начала своего времени, чтобы сиять, могли выйти.

Зрители знали, что будет дальше, поэтому ждали затаив дыхание. Это было потому, что если музыка была достаточно хороша, чтобы полностью погрузить их, было трудно сказать, к чему приведет танец. Это было бы что-то хорошее. Это время было намного лучше, чем в предыдущие годы, когда пришли цыгане. Однако звезд шоу еще не было.

Медленно раздался звук. Сначала мягкий, а потом как порыв ветра. Это было звон более дюжины браслетов. Это было ритмично и сделано специально. Они хотели, чтобы это произошло. Звук был музыкой сам по себе. Все глаза следили за теми телами, которые приходили с музыкой.

Для танцовщиц есть особый шарм. Это никогда не имело значения, как они выглядели. В танце все было по-другому. В оттенках красного, желтого, синего и золотого они приходили, кружились, терялись в радости. Это была их эмоция. Лайлана была рада, они тоже хотели показать, насколько они рады.

Певцы присоединились. Они не пели ничего сложного. Это была просто песня праздника. Они хвалили мир за его дар изобилия. Певцы пели, и хотя их голоса не были громкими, все могли слышать и понимать их.

Гурен нервничал. С тех пор, как он был одет, он ждал, чтобы уйти, чтобы его показали вокруг и выставили напоказ, как какой-то приз. Ему это не нравилось, но это не означало, что он не мог понять желания своей тети. Она хотела поделиться им с миром. Он должен был бы исполнить ее это желание. Водитель был его охранником здесь и сейчас. Он стоял, и Гурен знал, что это должно было остановить его от бега, но Гурен знал, что он никуда не денется. Громовой звук заставил его немедленно уйти. Это было зловеще в его голове. Он точно знал, что это будет ночь, которая ему не понравится. Он задавался вопросом, Как дела у Амры. Она казалась немного странной. В то время как они путешествовали, она не говорила много, в отличие от других женщин в его деревне. Они, как правило, много говорили, и большую часть времени он не возражал, их болтовня сделала своего рода заглушающий звук, который сделал его ходьбу терпимой. С Амрой все было по-другому. Тишины было достаточно. Он хотел поговорить, поговорить с ней, но ему было интересно, какие слова подходят для их разговора. Он не хотел, чтобы она думала о нем как о ребенке. С трепетом он всегда говорил с ней. Он хорошо это скрывал, но боялся, что разочарует ее. В конце концов, кто-то вроде нее заслуживал гораздо большего, чем то, что он когда-либо сможет ей предложить.

Водитель был удивлен, когда увидел шагающего Гурена. Его лицо было бесстрастным, когда он смотрел. Он знал, что ему было поручено сделать. Ночь была еще ранняя. Нужно было сделать еще больше, прежде чем они могли позволить людям снаружи увидеть жениха и невесту.

"Когда я должен уйти?" спросил Гурен. Он слышал слабый голос. Наверняка уже было время.

"Скоро. После нескольких танцев мы сначала приведем тебя, а потом твою невесту. Теперь

скажи мне, мальчик, почему тебе не нравится хорошая одежда. Она заставит женщин влюбиться в тебя. Я никогда не думал, что увижу кого-то, кто не захочет хорошо одеваться. Черт, если бы у меня была твоя внешность, я бы одевался каждый день так, чтобы обернуть всех дам вокруг пальца. Черт побери! С каждой минутой я становлюсь все злее. Дайте мне хороший ответ или единственное, что вы получите сейчас-это кулак любви." Лицо водителя, казалось, двигалось через десятки эмоций, в то время как Гурен мог только глубоко вздохнуть.

"Это не похоже на то, что мне не нравится хорошая одежда. Я просто чувствую, что она чересчур яркая. Водитель, позвольте задать вам вопрос. Если кто-то будет судить даму, и кто-то знает, что они никогда не смогут ничего сделать со своей жизнью, должен ли кто-то все еще преследовать женщин? Скажи мне, если кто-то был таким безответственным, разве кто-то не заслуживает быть изгнанным?"

"Правда, но ты..."

"Я из людей Песков. Я не сбежавший, не разведчик и даже не дворянин. Я всего лишь Гурен Тор. Даже мое имя-долг. С такой судьбой я никого не заслуживаю." Его лицо превратилось в гримасу. "Судьба забавна, она позволила мне, у кого нет будущего, перетащить человека, у которого должна быть яркость, в будущее без света.

"Мальчик ... ты слишком суров сам по себе. Многие люди Песков не могут жить в рамках своих ролей. Они живут достаточно хорошо. Ты слишком недооцениваешь себя", - сказал мужчина, хлопнув Гурена по спине. - "Скажи, ты спрашивал ее, сожалеет ли она об этом?"

"Нет."

"Тогда идиот, скажи ей и спроси, что она чувствует по этому поводу. Может быть, это не так ужасно, как кажется. Может, ты ей хоть немного нравишься."

"В аду нет ни единого шанса."

"Мальчик! Я видел много людей, и позволь мне сказать, что не так много я не могу сказать, видя людей. Она не может быть безумно влюблена в тебя, но ты ей очень нравишься. Насколько ты обеспокоен, ты все равно немного любишь ее, не так ли?"

"С того момента, как она положила глаз на меня, я был ее."

"Ах!", Водитель мелодраматически обрушился. "Это слова, которые ты должен ей сказать. К чему пришло молодое поколение? Мальчик! Пообещай мне кое-что. Как только эта ночь закончится, и вы двое останетесь одни, расскажи ей о своих чувствах."

"Должен ли Я?"

"Обещай мне сейчас, или я надену на тебя головной убор из павлина, чтобы закончить образ."

"Я...постараюсь."

"Хорошо, будь смелее. В любви победит только смелый. Теперь пришло время нам идти."